

УДК 93/94

doi 10.17072/2219-3111-2024-4-153-163

Ссылка для цитирования: *Шишкин Д. В.* «Искупительные жертвы освобожденного человечества»: память о В. Володарском и М. С. Урицком в Петрограде в эпоху Гражданской войны (1918–1922) // Вестник Пермского университета. История. 2024. № 4(67). С. 153–163.

«ИСКУПИТЕЛЬНЫЕ ЖЕРТВЫ ОСВОБОЖДЕННОГО ЧЕЛОВЕЧЕСТВА»: ПАМЯТЬ О В. ВОЛОДАРСКОМ И М. С. УРИЦКОМ В ПЕТРОГРАДЕ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ (1918–1922)

Д. В. Шишкин

Европейский университет в Санкт-Петербурге, 191187, Санкт-Петербург, Гагаринская ул., 6/1А
dshiskin@eu.spb.ru
SPIN-код: 1923-3544

Убийства комиссаров Петроградской коммуны В. Володарского и М. С. Урицкого летом 1918 г. послужили отправной точкой для их прославления после смерти в качестве вождей и революционных мучеников. Памятные мероприятия в честь убитых служили одним из средств легитимации власти большевиков. Цель статьи – рассмотреть прагматическую составляющую поминальной риторики и коммеморативных практик в пропаганде вооруженной борьбы с противниками советской власти. Главным источником послужили официальные периодические издания Петрограда, в которых публиковались некрологи, траурные резолюции, поэзия, воспоминания, лозунги и другие тексты, связанные с именами Володарского и Урицкого. В течение четырех лет с момента гибели комиссаров их жизнь и деятельность в советской пропаганде служили материалом для создания образа революционного борца. Классовая борьба в форме гражданской войны представлялась, с одной стороны, «завещанием» павших вождей, с другой – следствием «предательства» эсеров и меньшевиков. Уважение к убитым и «завещанной» ими борьбе среди пролетариата укреплялось утверждениями о равнозначности жертв на «внутреннем» и «внешних» фронтах Гражданской войны. Кроме того, фигуры погибших приобретали сакральный статус, становились воплощением неумирающей идеи социальной революции и классовой борьбы. Сакральность фигур вождей-мучеников утверждалась посредством использования религиозных и мифологических метафор, таких, как проект создания «пантеона» погибших в борьбе революционеров, первые места в котором были отданы Володарскому и Урицкому. Террористические акты, направленные против вождей и покушающиеся на память них, интерпретировались как действия, развязавшие Гражданскую войну.

Ключевые слова: биографии революционеров, Гражданская война, Петроград, террор, мученичество, вожди, сакрализация, память, Володарский, Урицкий.

Введение

Культ «павших борцов за свободу» как важная составляющая революционной культуры давно стал объектом для изучения [Могильнер, 1999; Тумаркин, 1997; Колоницкий, 2017; Соколова, 2022]. О попытках создания новых ритуалов похорон героев и жертв для укрепления власти РКП(б) писали в свое время С. Мальшева, С. Еремеева [Орлова, 2009; Еремеева, 2014, с. 23–33; Мальшева, 2016, с. 25–46]. В последние годы появились работы, авторы которых прослеживают связь между почитанием погибших героев и легитимацией насилия в ходе Гражданской войны [Иванов, 2018, с. 3–14; Резник*, 2022, с. 151–179]. В то же время, несмотря на широкую разработанность темы, до настоящего времени не было предпринято попытки рассмотреть два показательных случая коммеморации «мертвецов коммуны» – В. Володарского и М. С. Урицкого. Оба стали жертвами политических убийств лета 1918 г., и в последующем на протяжении всей Гражданской войны и после ее завершения были знаковыми фигурами в советской политической культуре.

© *Шишкин Д. В.*, 2024

* Является участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов

В. Володарский (настоящее имя – М. М. Гольдшейн) и М. С. Урицкий были «старыми революционерами». Урицкий был членом Российской социал-демократической рабочей партии (РСДРП) с момента ее основания в 1898 г., Володарский участвовал в социал-демократическом движении с 1905 г. Оба революционера имели опыт тюремного заключения, ссылки и эмиграции. До революции 1917 г. ни один не состоял во фракции большевиков, но в составе группы «межрайонцев» они присоединились к большевикам. После Октябрьского восстания, в подготовке которого оба приняли активное участие, Урицкий занял пост комиссара Всероссийской по делам о выборах в Учредительное собрание комиссии, а Володарский вошел в президиум ВЦИК Советов. В марте 1918 г., после переезда центрального правительства в Москву, они заняли должности главы Чрезвычайной комиссии и комиссара по делам печати, агитации и пропаганды в Петроградской трудовой коммуне (с апреля – Союзе коммун Северной области).

Володарский был убит 20 июня во время избирательной кампании в Петроградский совет. Имя убийцы было установлено лишь со слов руководителя боевой группы эсеров Г. И. Семенова, сотрудничавшего с большевиками с 1919 г. Убийство Урицкого, совершенное 30 августа Л. Каннегисером, совпало с покушением на Ленина, за которым последовало провозглашение политики «красного террора».

Созданные в советский период биографии Володарского и Урицкого были преимущественно публицистическими произведениями [Наумов, 1926; Уралов, 1929; Волков, Гаврилов, 1968; Бейдер, 1989]. Больше, чем жизнь и деятельность комиссаров, историков интересовали обстоятельства их гибели [Коняев, 2018; Ратьковский, 2021]. Последовавшая за смертью Володарского и Урицкого политическая кампания по увековечиванию памяти о павших вождях не становилась предметом специального исследования.

Между тем уже в первые годы после убийств комиссара печати и главы Петроградской чрезвычайной комиссии (ПЧК) (1918–1920) широкое распространение получила практика переименования улиц и населенных пунктов в их честь¹. В то же время главным местом формирования посмертных культов Володарского и Урицкого стал Петроград. Память об убитых комиссарах поддерживалась множеством разнообразных способов, включая производство изображений, поэтическое творчество, ежегодные мероприятия (концерты-митинги, публикации в прессе, субботники) в честь погибших. Все они в той или иной степени формировали образы революционеров, необходимые для пропаганды коммунистических идей.

В рамках одной статьи трудно рассмотреть весь спектр коммеморативных практик, связанных с именами убитых комиссаров Петроградской коммуны, и их значение для революционной политической культуры. Цель данной статьи – установить связь между поминальной риторикой, прославляющей «павших вождей», и большевистской пропагандой гражданской войны.

Заветы «пролетарских вождей»: личный пример и пропаганда вооруженной борьбы

«Пролетарские вожди» Володарский и Урицкий получили данный титул посмертно. До июля и августа 1918 г. ни тот, ни другой не удостоивался чести быть названным «вождем» в прессе.

Володарского уже в момент похорон и в дальнейшем характеризовали как «любимого вождя», «учителя», «трибуна» питерского пролетариата. Последнее определение, согласно одному из словарей политических терминов, издававшихся в 1917 г., следовало применять для обозначения «народного оратора, вождя» (Краткий политический словарь, 1917, с. 54). Можно говорить о том, что частое его употребление с лексемой «вождь» в одном предложении в форме перечисления должно было подчеркнуть специфику образа лидера, имевшего малое отношение к выработке идеологии, но заслужившего право именоваться «вождем» своей агитационной работой: «Революции нужны не только вожди: ей нужен нерв, ведущий из лаборатории холодной мысли, к огненному, вечно бьющему сердцу рабочего класса. / И пролетарская революция имеет своих трибунов, которые несут наше боевое учение, наш символ веры в душевные фабрики, заводы, мастерские, которые ... воздвигают светильник рабочего мятежа» (Быстрянский, 1918).

К его словам следовало относиться, как к «заветам». Сборники речей Володарского, начавшие выходить уже в 1918 г., служили материальной формой подобного отношения. Отобранные составителями сборников тексты выступлений («Напутственная речь агитаторам»,

«К товарищам латышам», «Последняя речь т. Володарского», обвинительные речи против буржуазных газет) в той или иной степени оправдывали необходимость создания Красной армии и неизбежность вооруженного столкновения пролетариата и буржуазии.

Помимо издания сборников, о значимости речей Володарского для пропаганды борьбы «за советскую власть» можно судить по цитатам из них, помещаемых на страницах газет в годовщины его гибели и в других юбилейных изданиях. Уже в 1918 г., во время празднования годовщины Октябрьской революции, они приобрели форму лозунгов, призывающих к защите власти Советов, в одном ряду с выдержками из сочинений К. Маркса, В. Ленина и Г. Зиновьева (Великая годовщина пролетарской революции, 1918, с. 20). 20 июня 1920 г. «заветы» Володарского выделялись крупным шрифтом и занимали все полосы страниц периодической печати (Завет Володарского, 1920).

Образ Володарского-«трибуна» обрел популярность у авторов некрологов и памятных речей, среди поэтов и партийных агитаторов. Одним из первых его использовал А. В. Луначарский в своей речи на экстренном заседании Петроградского совета 22 июня 1918 г., а впоследствии – в некрологе (переработанной речи), опубликованном в журнале «Пламя». В обоих случаях для характеристики «трибуна» было важно подчеркнуть его происхождение, принадлежность к рабочему классу: «Товарищ Володарский был истинным представителем пролетариата, и он говорил так, как должен говорить рабочий, поступал так, как должен поступать рабочий, который не ведет борьбы в белых перчатках» (Экстренное заседание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов, 1918).

Символическое родство Володарского с пролетариатом и описание его как «истинного представителя» трудящихся использовались большевиками в борьбе с социалистической оппозицией меньшевиков и правых эсеров, в том числе на выборах в Советы в июне 1918 г. Комиссар печати был убит в разгар избирательной кампании в Петроградский совет. Покушение на него расценивалось как отступление от «честной», «открытой» и «мирной» борьбы за влияние на массы и переход к методам гражданской войны. Напротив, избрание в Совет большевиков должно было продемонстрировать всем оппозиционерам их слабость и лишить их надежды на возвращение к «буржуазному» Учредительному собранию (Будаев, 1918; Оборонцы на выборах, 1918).

Противостояние коммунистических Советов и буржуазного Учредительного собрания как одно из идеологических оснований Гражданской войны оказало большее влияние на посмертные биографии Урицкого. Для составителей его жизнеописаний было важно подчеркнуть его «заслуги» при разгоне представительного органа.

Идея «истинного» пролетарского вождя предполагала наличие неотъемлемых, родовых черт, обусловивших авторитет вождя. В случае Володарского примерами выражения этой идеи можно считать определения «истинный», «подлинный» (Луначарский, 1918a), «прирожденный» (Быстрянский, 1919a) вождь, трибун или борец. Часто авторы использовали для его описания метафору пламени: «пламенный» (Арский, 1918; Ионов, 1919; Пламенный борец революции, 1919; Володарский, 1921; Князев, 1922, с. 20, 38), «пламя» (Князев, 1919), «горевший революционным пламенем» (На открытии памятника великому борцу, 1919), «пламенное сердце» (Ионов, 1920, с. 1; Евдокимов, 1920), «глашатай пламенной свободы» (Ионов, 1920, с. 2), «пламенно-звездное знамя» (Груздев, 1922). Горение как метафора жизни революционера, с одной стороны, означала страстность и революционный энтузиазм самого революционера, с другой – служила образным выражением успешной пропагандистской деятельности: речи Володарского «зажигали» революционный энтузиазм пролетарской аудитории.

В отношении Урицкого определение «вождь» и дополняющие его эпитеты («пламенный», «подлинный» и др.) встречаются значительно реже. Авторы газетных заметок подчеркивали, что глава ПЧК не был агитатором, «был оторван от масс» в силу должностных обязанностей. Чаще Урицкого именовали «борцом за дело рабочего класса». Специфическим для убитого главы ПЧК стало определение «часовой революции», «стража» ее завоеваний (Луначарский, 1918b; Бухарин, 1918; Рабочему вождю, 1919; На службе народа, 1919; Они убили вождя – мы убили классы, 1920). Урицкому отводилась роль защитника революции, идущего впереди и «прикрывающего рабочие массы... от ударов из-за угла» (Два выстрела, 1922).

Главными образными характеристиками Урицкого служили производные от эпитета «железный»: «первоклассный политик» с «железной волей» (*Луначарский*, 1918b; *Бронницкий*, 1921b; М. С. Урицкий, 1922), «борец-организатор с железной энергией» (*Петербургский*, 1921; М. С. Урицкий (некролог), 1918). В большинстве случаев под этим подразумевались следование партийной дисциплине и твердость в проведении революционных постановлений. В то же время авторы жизнеописаний отмечали «мягкость», «гуманность» (*Зиновьев*, 1918), «великодушные» и «доброту» (*Луначарский*, 1918b; *Мансуров*, 1919, с. 8; Но революция не убита, 1921) председателя ПЧК.

Парадоксальное сочетание «твердости» и «мягкости» в характере убитого комиссара особо подчеркивалось (*Лулов*, 1921). Обе черты проявлялись в его деятельности на посту главы Петроградской ЧК. «Твердая воля революционного борца» в соответствии с поминальной риторикой должна была, по мнению пропагандистов, вызывать наибольшее раздражение у противников большевиков и служить главным поводом к убийству Урицкого. В свою очередь, убийство «из ненависти» как свидетельство порочности контрреволюции противопоставлялось «высоким душевным качествам мягкого, гуманного и справедливого человека» (Но революция не убита, 1921).

Несмотря на «гуманность» Урицкого и неучастие его в агитационной деятельности в период нахождения на посту главы ПЧК, с точки зрения авторов посмертных публикаций и траурных резолюций, он также мог оставить «заветы», необходимые для победы пролетариата в классовой борьбе. В одной из статей, посвященных его памяти, было отмечено: «Он не признал “священной” войны капиталистов, не признал “священной” обороны отечества... Он сразу пошел против этой проклятой войны, зовя пролетариат к войне гражданской против буржуазии!» (Мученик революции, 1919). Как образец революционера, Урицкий мог «завещать» определенную модель поведения, необходимую для воспитания новых бойцов, а также свое «дело» – борьбу против «врагов пролетариата» (Три года, 1921; *Бронницкий*, 1921b). В резолюции коллектива боевой дружины завода «Треугольник», принятой по случаю гибели комиссара, его именовали «учителем», чьи слова, «которыми учил нас... уж взошли, как семена на полях» (Общее собрание..., 1918). Курсанты Первых Петергофских Советских пехотных курсов, откликаясь на убийство Урицкого, ранение Ленина и несостоявшееся покушение на Зиновьева, призывали вставать «на борьбу за заветы наших классовых учителей» и приветствовали «международную гражданскую войну» (К убийству тов. Урицкого, 1918).

Сакрализация жертв Гражданской войны: олицетворения «бессмертной идеи»

Сакрализация как один из приемов создания образа павшего борца также была связана с задачами пропаганды террора и Гражданской войны. «Перенос сакральности» из сферы религии в область политики служил средством легитимации террора и прославления действующих советских руководителей, особенно в период масштабных торжеств [*Годунов*, 2023, с. 171–179]. Ежегодные мероприятия, проводившиеся в Петрограде в память о погибших вождях в канун их гибели, сделали 20 июня и 30 августа «торжественными днями», временем активного использования категорий святости в официальной риторике. Кроме того, фактическая гибель комиссаров подталкивала к рассуждениям о посмертном существовании, прочно связанным со сферой «сакрального».

В некрологах и стихотворениях погибшие вожди представляли жертвами «предателей», которые в ряде случаев прямо именовались Иудами. На контрасте с убийцами погибшие могли именоваться «апостолами коммунизма». В поэтических текстах, сочиненных в память об убитых, можно обнаружить мифологические образы, связанные с переходом в иной мир: «Друзья, не жалеете ударов! / Копите заложников рать – / Чтоб было кому коммунаров / В могильную сень провожать» (*Князев*, 1918); «Теперь ты бессмертием, друг наш, одет. / Вошел ты в Вальгалу и встречен приветом. / Герои Бастильи, – Марат, Робеспьер, / И славные жертвы, сожженные летом, – / Сонм сорок восьмого, и ближний пример: / Герои Коммуны, – из шахт и с галер, / От плах, из цепей, осиянные светом, – / Тебя принимают под музыку сфер...» (*Алский*, 1918).

Жизнь павших борцов после смерти – наиболее распространенная черта сакрализации в текстах, посвященных памяти убитых вождей. Оставаясь знаковыми фигурами для пролетариата, они, по мнению некоторых авторов, «разрушали смертью смерть» (Евдокимов, 1920). Гибель В. Володарского должна была сделать его более опасным для деятелей контрреволюции, продемонстрировать силу разделяемых им идей. У А. В. Луначарского образ павшего вождя приобрел черты воскресшего героя: «Такие люди, как тов. Володарский, не умирают. Умирая, они встают из могилы, как богатыри, как исполины... В этот момент, когда он ушел из жизни – он приобрел себе вечную память среди пролетариата» (Речи, произнесенные на заседании Петроградского Совета памяти т. Володарского, 1918). Могилы и памятники умерших вождей должны были стать олицетворением «живых идей» революции и коммунизма. Более того, смерть вождя должна была придать им больше жизни, побудив пролетариев продемонстрировать верность идеям, проводниками которых служили большевики, дав им «новую силу, свежесть и бодрость» (Жива революция, 1918; *Северный*, 1918).

«Вечная память» выражалась, среди прочего, в идее замещения убитых комиссаров рядовыми «бойцами», пролетариями. Одним из первых учреждений, поименованных в честь комиссара печати, агитации и пропаганды, стала школа агитаторов, открытая при 1-м Советском клубе в июле 1918 г., с целью «дать кадр опытных идейных борцов пропагандистов... и этим заполнить брешь, которая образовалась вследствие роковой смерти тов. Володарского» (ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1817. Оп. 1. Д. 206. Л. 40). О «незаменимости» Урицкого и необходимости «сплотить ряды» после его смерти писал А. В. Луначарский (*Луначарский*, 1918b); о «незаменимости» комиссара для партии говорил Г. Зиновьев спустя год после убийства (Заседание Петроградского Совета, 1919). Схожие характеристики были даны в резолюциях коллективов (До основания сотрем гнезда контрреволюции, 1918; Прочь с дороги, 1918).

Величие и сакральный статус погибших вождей должны были подчеркнуть предложения по созданию «пантеона павших героев». С 1919 г. в выступлениях ораторов, декламируемых и публикуемых стихотворениях звучала идея создания в будущем «пантеона» («грядущего пантеона») павших борцов (*Быстрянский*, 1919b). Вероятно, будущее время должно было указывать на то, что речь шла не столько о памятнике на площади Жертв революции, открытом 7 ноября 1919 г., сколько о символическом пантеоне – перечне выдающихся революционеров, который должен был сформироваться после победы рабочего класса. Смерть вождей служила поводом для обращения к памяти других революционеров: жертв «белого террора» Французских революций (Жана Поля Марата, жертв июня 1848 г. и коммунаров 1871 г.), чью судьбу повторили Володарский и Урицкий (*Быстрянский*, 1919c; «Искупительные жертвы» освобожденного человечества, 1919), и современников, среди которых павшие комиссары должны были занять «первые места» (*Новгородцева-Свердлова*, 1919; Жертвы Красного Петрограда, 1919). В первые годы после гибели (1918–1919) авторы поминальных публикаций причисляли комиссаров к жертвам общемировой классовой борьбы, ассоциировавшейся с «гражданской войной» пролетариата и буржуазии (К убийству Володарского, 1918; «Искупительные жертвы»..., 1919).

Некоторые публицисты в рамках данной аналогии ссылались на «Гражданскую войну во Франции» К. Маркса (*Быстрянский*, 1919c). В последующие годы понятие «гражданская война» в контексте памяти о Володарском и Урицком будет обозначать вооруженный конфликт между белыми и красными, а сами вожди встанут в один ряд со всеми погибшими от рук противников большевиков: пролетариев, крестьян и солдат Красной армии. Аналогичными жертвенными фигурами для «гражданской войны в Германии» стали К. Либкнехт и Р. Люксембург. Их имена большевики ставили в один ряд с именами убитых комиссаров Петроградской коммуны, подчеркивая единообразие тактики своих противников.

После победы над белыми войсками и «окончания» Гражданской войны в 1921 г. идея создания «пантеона» вновь стала предметом обсуждений (Жертвы не напрасны, 1921; *Самобытник*, 1921).

30 августа 1921 г. местные власти в Петрограде провели в районах митинги-концерты, посвященные «героям революции». «Петроградская правда» в этот день, как и в предшествующие годы, публиковала материалы о жизни и деятельности М. Урицкого на первых страницах,

но, кроме него, внимание было уделено В. Володарскому, Ф. А. Вельскому, К. Н. Самойловой, С. П. Воскову, М. О. Плетневу, В. С. Гневичу, Б. Э. Веселовскому, Д. А. Павлову, М. Флиору и А. К. Скороходову. Однако день памяти Урицкого не стал днем памяти павших революционеров. Уже в 1922 г. организаторы торжеств вернули прежний формат, уделив больше внимания воспоминаниям о покушении на В. И. Ленина.

Однако сама идея символического объединения «жертв гражданской войны» на фронтах и в тылу продолжала оказывать определенное влияние на поминальную риторику. В разгар вооруженного конфликта обе разновидности жертвы служили символом объединения трудящихся в борьбе с их «врагами»: «кровь Володарского и Урицкого – так же скрепила мощь пролетариата, как та драгоценная кровь, которая льется уже более полутора лет на красных фронтах» (Руднянский, 1919). Комиссары, погибшие в тылу от террористических актов, причислялись к жертвам «внутреннего фронта» и в то же время вставали в один ряд с убитыми на «внешнем фронте» – в боях с белогвардейцами. В 1922 г. на фоне проходившего в Москве суда над членами партии социалистов-революционеров коммунистическая пресса призывала рабочих выйти на демонстрации в годовщину убийства Володарского 20 июня «против тех, у которых руки в крови рабочих и крестьян, в крови наших вождей... чтобы почтить память десятков тысяч рабочих и крестьян, погибших на фронтах гражданской войны» (Письмо пролетарских рабочих к пролетариату Москвы, 1922). Согласно обвинительному акту по делу, члены ЦК партии эсеров объявлялись «инициаторами гражданской войны» с момента Октябрьской революции и несли ответственность за жертвы, «понесенные рабочим классом» (Обвинительное заключение..., 1922, с. 52).

Убийства комиссаров как акты Гражданской войны

Террористические акты против представителей советской власти, тем более удавшиеся, рассматривались большевистской пропагандой широко, как действия «классового врага», противников трудящихся в гражданской войне. Убийства комиссаров характеризовались как удары «в сердце рабочего класса», порожденные ненавистью к «честным борцам», служившим интересам пролетариата. Сами теракты в 1918 г. трактовались как «подлые» средства ведения войны, при этом неоднократно подчеркивалось, что они показывают «бессилие» контрреволюционеров, их неспособность победить в открытой борьбе (Тов. Володарский убит, 1918; У гроба покойного Володарского..., 1918).

С обострением активного вооруженного противостояния «слабость» эсеров, которых большевики с самого начала обвиняли в убийстве вождей, была поставлена под сомнение. Если в первые дни после покушений эсеров и меньшевиков характеризовали как «наймитов» англо-французского капитала, то в последующем они оказались наделены большей автономностью в принятии решений о начале войны против Советов «на международной арене», начале Гражданской войны внутри страны (Белый и Красный террор, 1919). Авторы поминальных текстов всячески подчеркивали самостоятельность решения о ликвидации «вождей рабочего класса»: «эсеры и меньшевики решили: дело рабоче-крестьянской революции они удушат, если начнут убивать вождей рабочего класса»; «В своей ненависти, в своей бессилии белогвардейцы решили убить его /Урицкого/» (Флеровский, 1922, с. 13). Убийства расценивались не только как проявления слабости, но и как тактические действия контрреволюции на «внутреннем фронте», попытки «обезглавить революцию».

Случаи ликвидации большевистских руководителей расценивались как черты своеобразного этапа, «полосы» Гражданской войны (Открытие памятника т. Володарскому, 1919), времени масштабного белого террора против рабочих и их вождей (Быстрянский, 1919с). Борьбу с «пособниками контрреволюции внутри страны» олицетворяла ЧК и ее руководители. Тем не менее сама деятельность Чрезвычайной комиссии не связывалась напрямую с участием в Гражданской войне. Урицкий и его подчиненные «подавляли контрреволюцию», «предупреждали заговоры», «защищали рабочий класс от его врагов», «не давали выпустить кровь из рабочего класса» – прилагали усилия для «предотвращения» вооруженного противостояния и

большого кровопролития, к которому «стремились» противники большевиков (Конференция чрезвычайных комиссий Северной коммуны, 1918).

Отдельного внимания заслуживают случаи, когда монументы павших вождей становились «жертвами». 15 мая 1921 г. памятник Володарскому на бульваре Профсоюзов был поврежден взрывом. Данное событие удостоилось небольшой заметки в «Петроградской правде», носившей исключительно информационный характер. Редакция «Красной газеты», основанной самим Володарским, никак не отреагировала на это происшествие. О взорванном памятнике вспомнили в сентябре 1921 г. в ходе следствия по делу Петроградской боевой организации. По сообщению следственной комиссии ВЧК, теракт был осуществлен «для пробы сил» членами организации в качестве подготовки к покушениям на Н. М. Анцеловича (председатель Петроградского губернского совета профсоюзов), Н. Н. Кузьмина (комиссар Балтийского флота), Г. Е. Зиновьева и писателя М. Горького в рамках готовящегося наступления на Петроград белогвардейцев из Финляндии.

Взрыв памятника Володарскому едва ли можно причислить к символически значимым эпизодам Гражданской войны, поскольку к тому моменту само вооруженное противостояние «закончилось». С конца 1920 г. большевики декларировали курс перехода к мирному строительству. В статьях, посвященных павшим вождям, Гражданская война представлялась трехлетним конфликтом (1918–1920), завершившимся победой рабочих, руководимых «заветами» Володарского и Урицкого (*Бронницкий*, 1921а; Пантеон на крови и костях, 1921). Покушение на монумент могло бы вызвать большой резонанс в 1919 или 1920 г. Контекст Гражданской войны больше подходил для осмысления данного события. А. Луначарский в очерке о Володарском (1923) писал, что памятник «был взорван в дни, когда Юденич подступал к Петрограду» (ноябрь 1919 г.) (*Луначарский*, 1923, с. 57). Ошибка в датировке в данном случае свидетельствует о возникновении семантической связи между взрывом памятника и вооруженным конфликтом красных и белых.

Заключение

В поминальной риторике Володарский и Урицкий представляли жертвами гражданской войны, развязанной контрреволюцией. В то же время их прижизненные высказывания о необходимости вооруженного противостояния буржуазии могли использоваться для оправдания продолжающейся войны так же, как и их биография могла служить примером для нового поколения «борцов», сражающихся на фронте.

Сближая фигуры погибших комиссаров с пролетарскими идеалами, создавая образы «сынов народа» и «борцов за народное дело», авторы поминальных текстов указывали на общность их жертвы с потерями Красной армии – потерями в рядах «трудящихся». Обращение к этой общности стало одним из средств коммунистов в борьбе с социал-демократической оппозицией. С другой стороны, заметны обособление фигур погибших комиссаров, их причисление к «пантеону павших» и особое отношение к памяти о них как о сакральных фигурах: живущих после смерти, уподобляемых святым, носителям и проповедникам «священных» идей, среди которых – идея вооруженной борьбы против буржуазии и контрреволюции.

Примечания

¹ В 1918 г. в память о Володарском и Урицком были переименованы: г. Пошехонье (Ярославская губ.) в г. Пошехонье-Володарск; с. Покровское (Саратовская губ.) в с. Урицкое; пос. Лигово (Петроградская губ.) в пос. Урицк (с образованием Урицкой волости); пос. Сергиево и Александрово (Петроградская губ.) в пос. Володарский; Царское Село (Петроградская губ.) в Детское село им. Урицкого; в 1919 г. – Привокзальная слобода (г. Брянск) в поселок Володарского, Мальцовская слобода (г. Брянск) в рабочий поселок Урицкий; в 1920 г. – выселок Ольгино (с. Мысы, Нижегородская губ.) в с. Володары; в г. Архангельске ул. Архиерейскую в ул. Урицкого, ул. Театральную в ул. Володарского; в г. Иркутске ул. Благовещенскую в ул. Володарского, ул. Пестеревскую в ул. Урицкого.

Список источников

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб.). Ф. Р-1817. Оп. 1. Д. 206. Л. 40.

- Арский П. На могиле коммунара // Грядущее. 1918. № 4. Июнь. С. 7.
- Алский. Памяти В. Володарского // Пламя. 1918. № 6. 30 июня. С. 2.
- Белый и Красный террор // Петроградская правда. 1919. 30 августа.
- Бронницкий Н. Борец за победу всемирной Коммуны // Петроградская правда. 1921a. 22 июня.
- Бронницкий Н. Памяти М.С. Урицкого // Петроградская правда. 1921b. 30 августа.
- Боевая правда. 1920. 20 июня.
- Будаев П. Подлым убийцам // Петроградская правда. 1918. 22 июня.
- Бухарин Н. Часовой пролетарской революции // Петроградская правда. 1918. 1 сентября.
- Быстрянский В. Володарский // Петроградская правда. 1919a. 20 июня.
- Быстрянский В. М.С. Урицкий (к годовщине смерти) // Петроградская правда. 1919b. 30 августа.
- Быстрянский В. Памяти тов. Володарского // Красная армия. 1918. 21 июня.
- Быстрянский В. Славная жертва Белого террора // Петроградская правда. 1919c. 22 июня.
- Великая годовщина пролетарской революции: сб. Пг., 1918.
- Володарский // Петроградская правда. 1921. 22 июня.
- Груздев. В веках живущему (памяти В. Володарского) [стихотворение] // Красная газета. 1922. 20 июня.
- Два выстрела // Красная звезда. 1922. 31 августа.
- До основания сотрем гнезда контрреволюции (резолюция коллектива коммунистов 1-й боевой роты) // Красная газета. 1918. 1 сентября.
- Евдокимов Г. Так нужно жить, чтобы смерть победить // Петроградская правда. 1920. 20 июня.
- Жертвы не напрасны // Деревенская коммуна. 1921. 30 августа.
- Жива революция! // Красная армия. 1918. 26 июня.
- Завет Володарского // Красная газета. 1920. 20 июня.
- Заседание Петроградского Совета [29 августа 1919 г, речь Г. Зиновьева] // Петроградская правда. 1919. 30 августа.
- Зиновьев Г. К убийству М.С. Урицкого // Петроградская правда. 1918. 31 августа.
- Ионов И. Володарский [стихотворение] // Петроградская правда. 1919. 22 июня.
- Ионов И. Володарский // Петроградская правда. 1920. 20 июня.
- «Искупительные жертвы» освобожденного человечества // Известия Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. 1919. 29 августа.
- Пламенный борец революции // Деревенская коммуна. 1919. 20 июня.
- К убийству Володарского // Северная коммуна. 1918. 22 июня.
- К убийству тов. Урицкого // Вооруженный народ. 1918. 4 сентября.
- Князев В.В. В. Володарский. Пг.: Изд-во Ком. интернационала, 1922.
- Князев В. Володарский [стихотворение] // Деревенская коммуна. 1919. 20 июня.
- Князев В. Наша колокольня. Око за око, кровь за кровь // Красная газета. 1918. 1 сентября.
- Конференция чрезвычайных комиссий Северной коммуны // Еженедельник Чрезвычайных комиссий по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией. 1918. № 6. 27 октября. С. 17.
- Краткий политический словарь: с приложением сведений о главнейших русских политических партиях: пособие при чтении газет и книг по общественным вопросам / под ред. И.В. Владиславлева. М.: Тип. О.Л. Сомовой, 1917.
- Лулов Г. Памяти борца и человека // Петроградская правда. 1921. 30 августа.
- Луначарский А. Володарский // Пламя. 1918a. № 6. 30 июня. С. 3.
- Луначарский А.В. Моисей Соломонович Урицкий // Пламя. 1918b. № 19. 8 сентября. С. 2.
- Луначарский А.В. Революционные силуэты. М., 1923.
- Мансуров Н. Моисей Урицкий: биограф. очерк памяти погибшего борца за коммунизм. СПб., 1919.
- М.С. Урицкий // Красная звезда. 1922. 31 августа.
- М.С. Урицкий (некролог) // Петроградская правда. 1918. 1 сентября.
- Мученик революции // Красная газета. 1919. 30 августа.
- На службе народа (из речи тов. Зиновьева) // Красная газета. 1919. 30 августа.
- На открытии памятника великому борцу // Красный балтийский флот. 1919. 21 июня.
- Новгородцева-Свердлова К. Дорогой коммунара // Красная газета. 1919. 20 июня.
- Но революция не убита // Красная газета. 1921. 28 августа.

Обвинительное заключение по делу Центрального комитета и отдельных членов иных организаций Партии социалистов-революционеров по обвинению их в вооруженной борьбе против Советской власти, организации убийств, вооруженных ограблений и в изменнических сношениях с иностранными государствами. М.: Госиздат, 1922.

Общее собрание боевой дружины завода «Треугольник». 3 сентября // Петроградская правда. 1918. 5 сентября.

Оборонцы на выборах // Красная газета. 1918. 22 июня.

Они убили вождя – мы убили классы // Деревенская коммуна. 1920. 20 июня.

Открытие памятника т. Володарскому // Красная газета. 1919. 22 июня.

Пантеон на крови и костях // Петроградская правда. 1921. 30 августа.

Петербургский. Борец-организатор (памяти т. Урицкого) // Петроградская правда. 1921. 30 августа.

Письмо пролетарских рабочих к пролетариату Москвы // Красная газета. 1922. 18 июня.

Прочь с дороги (резолюция рабочих 4-го округа путиловского завода, вынесенная 30 августа с.г.) // Красная газета. 1918. 3 сентября.

Рабочему вождю // Красная газета. 1919. 20 июня.

Речи, произнесенные на заседании Петроградского Совета памяти т. Володарского // Красная армия. 1918. 26 июня.

Руднянский. Идея живет и побеждает // Красная газета. 1919. 20 июня.

Самобытник. Пролетарским героям [стихотворение] // Петроградская правда. 1921. 30 августа.

Северный Н. Памятно-печальный день // Петроградская правда. 1918. 25 июня.

Три года // Красный балтийский флот. 1921. 30 августа.

Тов. Володарский убит // Петроградская правда. 1918. 21 июня.

У гроба покойного Володарского. Лозунги, предлагаемые к похоронам // Северная коммуна. 1918. 22 июня.

Флеровский И. М.С. Урицкий. М., 1922.

Экстренное заседание Петроградского Совета Рабочих и Красноармейских депутатов // Северная коммуна. 1918. 23 июня.

Библиографический список

Бейдер В.Х. Ретроспектива: документальная повесть о революционном деятеле и публицисте В. Володарском. Л.: Лениздат, 1989. 382 с.

Волков П.П., Гаврилов Л.Н. Первый председатель Петроградской ЧК: (Жизнь и деятельность М.С. Урицкого). Л., 1968. 16 с.

Годунов К.В. «Красная Пасха»: празднование годовщин Октября и политическая культура Гражданской войны. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2023. 254 с.

Еремеева С.А. «В вихре Великом не сгинут бесследно»: новая смерть для борцов за новую жизнь // Вестник Омск. ун-та. Исторические науки. 2014. № 4(4). С. 23–33.

Иванов Д. Ранние советские некрологи как источник революционной биографии: на примере И.П. Жука и В.О. Лихтенштадта (Мазина) // Право на имя: биографика XX века: сб. докл. XV чтений памяти Вениамина Иофе (20–22.04.2017). СПб., 2018. С. 3–14.

Колоницкий Б.И. «Товарищ Керенский»: антимонархическая революция и формирование культа «вождя народа», март – июнь 1917 года. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 512 с.

Коняев Н.М. Гибель красных Моисеев. Начало террора. 1918 год. М.: Вече, 2016. 496 с.

Мальшева С. Красный Танатос: некротимологизм советской культуры // Археология русской смерти. 2016. № 2. С. 25–46.

Могильнер М. Мифология «подпольного человека»: радикальный микрокосм в России начала XX века как предмет семиотического анализа. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.

Наумов И.К. Тов. Володарский: набросок на память. Л.: Прибой, 1926. 22 с.

Орлова Г.А. Биография (при) смерти: заметки о советском политическом некрологе // Неприкосновенный запас. 2009. № 2. С. 188–202.

Ратьковский И.С. Гражданская война в России: охота на большевистских вождей (1917–1920). М.: Наше завтра, 2021. 415 с.

Резник А.В.* Вожди революции и легитимация гражданской войны // Слова и конфликты: язык противостояния и эскалация гражданской войны в России. СПб.: Изд-во Европ. ун-та в С.-Петербурге, 2022. С. 151–179.

Соколова А.Д. Новому человеку – новая смерть?: похоронная культура раннего СССР. М.: Новое литературное обозрение, 2022. 453 с.

Тумаркин Н. Ленин жив! Культ Ленина в Советской России / пер. с англ. С.Л. Сухарев. СПб.: Академический проект, 1999. 285 с.

Уралов С.Г. Моисей Урицкий: биографический очерк. Л.: Красная газета, 1929. 138 с.

Дата поступления рукописи в редакцию 19.11.2024

“THE REDEMPTIVE SACRIFICES OF LIBERATED HUMANITY”: THE MEMORY OF VLADIMIR VOLODARSKY AND MOISEY URITSKY IN PETROGRAD DURING THE CIVIL WAR (1918–1922)

D. V. Shishkin

European University at St. Petersburg, Gagarinskaya str., 6/1A, 191187, St. Petersburg, Russia
dshishkin@eu.spb.ru
SPIN: 1923-3544

The murders of Vladimir Volodarsky and Moisey Uritsky, commissars of the Petrograd Commune, in the summer of 1918, provided a starting point for their glorification after death as leaders and revolutionary martyrs. Memorials honoring these individuals served as a means of legitimizing the power of the Bolsheviks. This article examines the pragmatic aspect of memorial rhetoric and commemorative practices within the context of propaganda campaign of the military struggle against the Soviet government’s opponents. The main sources for the study were official periodicals published in Petrograd, which featured obituaries, funeral resolutions, poems, memoirs, slogans, and other writings related to Volodarsky and Uritsky. For four years following the assassinations, their lives and activities were used by Soviet propaganda as models for revolutionary fighters. The class struggle in the form of the civil war was presented as a “testament” to the murdered leaders on the one hand, and as a consequence of “betrayal” of the Socialist Revolutionaries and Mensheviks, who supported the idea of the Constituent Assembly, on the other. Respect for the murdered leaders and the struggle “bequeathed” by them was strengthened among the proletariat through statements about the equivalence of victims on both the “internal” and “external” fronts of the Civil War. In addition, the figures of the dead leaders acquired a sacred status, becoming the embodiment of the eternal idea of social revolution and class struggle. This sacredness of the figures of the martyred leaders was asserted through the use of religious and mythological metaphors, such as the project to create a “pantheon” of revolutionaries who had died in the struggle, with Volodarsky and Uritsky the given the first places. The terrorist acts against the leaders and attempts to defame their memory were interpreted as actions that unleashed a civil war.

Key words: Civil War, Petrograd, terror, martyrdom, biographies of revolutionary, leaders, sacralization, memory, Volodarsky, Uritsky.

References

- Beyder, V.Kh. (1989), *Retrospektiva: Dokumental'naya povest' o revolyutsionnom deyatele i publitsiste V. Volodarskom* [Retrospective: A documentary story about the revolutionary figure and publicist V. Volodarsky], Lenizdat, Leningrad, USSR, 382 p.
- Eremeeva, S.A. (2014), ““They will not disappear without a trace in the Great whirlwind”: a new death for fighters for a new life”, *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Istoricheskie nauki»*, №4 (4), pp. 23–33.
- Flerovskiy, I. (1922), *M. S. Uritskiy* [M. S. Uritskiy], Gosizdat, Moscow, Russia, 16 p.
- Godunov, K.V. (2023), «*Krasnaya Paskha*»: *prazdnovanie godovshchin Oktyabrya i politicheskaya kul'tura Grazhdanskoy voyny* [“Red Easter”: celebrating the anniversaries of October and the political culture of the Civil War], Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, 254 p.
- Ivanov, D. (2018), “Early Soviet obituaries as a source of Revolutionary biography: on the example of I.P. Zhuk and V.O. Lichtenstadt (Mazin)”, in *Sbornik dokladov 15-h chteniy pamyati Veniamina Iofe “Pravo na imya: Biografika 20 veka”* [A collection of reports from the 15th readings in memory of Veniamin Iofe “The right to a name: A biography of the 20th century”], Pol'skiy institut v Sankt-Peterburge, St. Petersburg, Russia, pp. 3–14.

* Является участником «Российского социалистического движения» (РСД), включенного в реестр иностранных агентов

- Kolonitskii, B.I. (2017), *“Tovarishch Kerenskiy”: antimonarhicheskaya revolyutsiya i formirovanie kul'ta «vozhdy naroda», mart – iyun' 1917 goda* [“Comrade Kerensky”: the anti-monarchist revolution and the formation of the cult of the “leader of the people”, March–June 1917], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 512 p.
- Konyaev, N.M. (2016), *Gibel' krasnykh Moiseev. Nachalo terrora. 1918 god* [The death of the Red Moses. The beginning of terror. 1918], *Veche*, Moscow, Russia, 496 p.
- Lunacharskiy, A.V. (1923), *Revolutsionnye siluety* [Revolutionary silhouettes], «Devyatoye yanvarya», Moscow, USSR, 80 p.
- Malysheva, S. (2016), “Red Thanatos: The Necrosymbolism of Soviet Culture”, *Arheologiya russkoy smerti*, №2, pp. 25–46.
- Mogil'ner, M. (1999), *Mifologiya «podpol'nogo cheloveka»: radikal'nyy mikrokozmos v Rossii nachala XX veka kak predmet semioticheskogo analiza* [The Mythology of the “underground man”: a radical Microcosm in Russia in the early the 20th century as a subject of semiotic analysis], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 207 p.
- Naumov, I.K. (1926), *Tov. Volodarskiy: Nabrosok na pamyat'* [Comrade Volodarsky: A sketch for memory], *Priboy*, Leningrad, USSR, 22 p.
- Orlova, G.A. (2009), “Biography (at) death: notes on the Soviet political obituary”, *Neprikosnovenny zapas*, № 2, pp. 188–202.
- Rat'kovskiy I.S. (2021), *Grazhdanskaya voyna v Rossii: ohoty na bol'shevistskikh vozhdey (1917–1920)* [The Russian Civil War: the Hunt for Bolshevik Leaders (1917–1920)], *Nashe zavtra*, Moscow, Russia, 415 p.
- Reznik A.V.* (2022), “The leaders of the Revolution and the legitimization of the Civil war”, in *Slova i konflikty: yazyk protivostoyaniya i eskalatsiya grazhdanskoy voyny v Rossii* [Words and conflicts: the language of confrontation and the escalation of the Civil War in Russia], *Izd-vo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge*, St. Petersburg, Russia, pp. 151–179.
- Sokolova, A.D. (2022), *Novomu cheloveku – novaya smert'?: pokhoronnaya kul'tura rannego SSSR* [A new person – a new death?: funeral culture of the early USSR], *Novoe literaturnoe obozrenie*, Moscow, Russia, 453 p.
- Tumarkin, N. (1997), *Lenin lives! The Lenin Cult in Soviet Russia*, Harvard University Press, Cambridge & Massachusetts & London, USA & UK, 337 p.
- Uralov, S.G. (1929), *Moisey Uritskiy: Biograficheskiy ocherk* [Moses Uritsky: A biographical sketch], *Krasnaya gazeta*, Leningrad, USSR, 138 p.
- Volkov, P.P. & L.N. Gavrilov (1968), *Pervyy predsedatel' Petrogradskoy ChK: (Zhizn' i deyatel'nost' M. S. Uritskogo)* [The first chairman of the Petrograd Cheka: (The life and work of M. S. Uritsky)], *Lenizdat*, Leningrad, USSR, 16 p.

* A participant of the «Russian Socialist Movement» (RSD) included in the register of foreign agents